

Центр. т-р  
кукол  
н/р. Образцова

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА  
г. Москва

СРЕДА,  
17 ИЮНЯ 1987 ГОДА

# СКАЗКА БУДЕТ ВПЕРЕДИ?

## ЧТО ПРЕДЛАГАЮТ ЗРИТЕЛЮ КУКОЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ

Даже троллейбусная остановка называется «Театр кукол». О существовании Государственного академического Центрального театра кукол под руководством народного артиста СССР С. Образцова знают все. У stopping нет ни остановок, ни знаменитых часов, ни высоких титулов. О нем мало говорят, почти не спорят. Даже москвичи не все знают, что в их городе работает Московский театр кукол. В фойе первого — большой проливающий свет, за стеклянными витринами — куклы всех времен и народов, большой буфет, зимний сад, бассейны с рыбок-рыбками. В Московском театре кукол стены густо крашены, интерьер простоват. Впечатление такое, будто в этом доме отсутствует настоящий хозяин. А между тем театру уже за пятьдесят. Конечно, за эти годы были у коллектива свои взлеты, но чаще — небольшие робкие прыжки. Впрочем, поиски этого коллектива шли в том же русле, что и поиски ГАУТК: только русло это было мелководнее, спокойнее.

Сегодня стало нормой, что, говоря о современных вершинах развития кукольного театра, критики, любители этого искусства упоминают коллективы кукольных театров Челябинска, Владивостока, Тбилиси, Таллина. Но не Москвы. Это как бы само собой: постановки самого известного в стране кукольного театра под руководством С. Образцова уже давно не попадают в репертур отечественных художественных отделений. Так было и на этот раз. Выйдя из зала после последней премьеры ГАУТК «Мугилу» (постановка В. Кусова), так и хотелось сказать: «Если не сравнить с Челябинским театром кукол, то вполне». Вспомнились спектакли «Аистенок и пугало», «Белоснежка и семь гномов» недавно гастролировавшие в столице челябинцы. Тогда на обыкновенном белом stole два актера — Он и Она — с двумя маленькими куклами рассказывали нам историю о том, как старое пугало согрело теплом своего сердца раненого аистенка. В этой сказке для детей и фило-софской притче для взрослых звучали стихи А. Толстого, А. Тарковского, музыка Т. Албиони, А. Вивальди, А. Коррелли. Спектакль поражал изысканностью оформления, хотя и не было в нем чудес техники. А после того, как опускался занавес, очень хотелось, чтобы твоё сердце, подобно сердцу старого пугала, тоже занято тишиной колокольчиком, отозвавшись на чужую боль и радость.

На премьеру спектакля «Мугилу» в ГАУТК зритель охватывал эти чувства. Расстегивая пеструю расшитую джунглей. Пробают кукольные хот-вотны, так похожие на настоя-

щичи: Удав, Тигр, Шакал. Кто-то из них учит Мугилу спорить, кто-то ненавидит его. И эта непрерывная вереница растений и животных рождает странные мысли. Не поэтическое, не философское толка, а бытовые — будто ты в зоопарке переходишь от одной клетки к экзотическим животным к другой. Здесь все настолько натуралистично и досказано, что для фантазии, для собственного зрительского воображения не остается даже щели. Спектакль удивляет техничностью и зрелищностью, но не затрагивает сердце. Не хочет оно звенеть даже маленьким тихим колокольчиком.

Эта постановка не является исключением в жизни коллектива. Премьерой прошлого года, например, стал спектакль «Приглашая принцесса» (постановка С. Образцова). Его нельзя назвать откровенной неудачей равно как и удачей. Правильнее сказать: этот спектакль — никакой. Рядовой среди рядовых. Добро здесь торжествует, зло побеждает, мораль ясна. Действие словно катится по проторенной лыже. Спектакль начинается с того, что актеры на наших глазах должны вырезать из бумаги кукол, нарисовать им лица, одушевить и сыграть сказку. Ход сам по себе интересный, хотя и не новый. Но на спектакле он так и остается флюидом, потому что вместо подлинного творчества нам предлагают имитацию. Движение рук — из-под стола вынули уже готовую куклу в надежде на то, что доходящие не заметят маленькой хитрости. В этом спектакле существует своеобразная магия отрицательных героев. Ведьма и злой колдун — наиболее колоритные персонажи. Они симпатичные, очень смешные. Их смерть вызывает скорее недоумение, чем радость. Зато поступки положительных героев — набор штампов героического поведения. С самого начала у зрителя рождается заведомое предубеждение счастливого конца. И когда правда действительно торжествует, возникает странное чувство, что добро и справедливость некто достроили любому, кто протянет в их сторону руку.

Постановки Московского театра кукол как в зеркале отражают некоторые недостатки своего знаменитого соседа. Положительные герои его постановок живут в мире очень далеком от жизни современных мальчишек и девчонок. Стараясь придать спектаклям особую новизну, театр вводит в их ткань модные словечки, песни на «современные» ритмы, второсортные шутки. Дети, наверняка будут смеяться, если услышат название «Физжжж» («Физюжи», «Фосси-та»), а сестры Золушки будут переговариваться в таком тоне: «Молчи, кетля». Жаль только, что

на подобном смехе и оживлении практически заканчивается реакция зала. Как и в ГАУТК, спектакли МТК построены предельно натуралистично. Если и появляются на сцене символы, то своей прозрачностью он нередко граничит с пошлостью. В «Хрустальном башмачке» — кукольной версии «Золушки» — таким символом стал подвешенный под потолком ботинок, помещенный в контуры сердца.

В начале этого сезона в театр пришел новый главный режиссер А. Хамт. Пришли фюда и актеры, которые до этого работали вместе с ним в известном ранее ансамбле «Люди и куклы». Сегодня еще трудно выставить точные «блуждающие» работы нового художественного руководителя. Ясно одно: театр накануне перемен.

В конце марта состоялся дебют нового главного режиссера на этой сцене. Если сравнить с подавляющим большинством прежних постановок, спектакль «Каштанка и слон» — удача. В нем много музыки, трюков, он зрелищен, его хочется смотреть даже взрослому. Впервые за последние годы театр попытался заговорить с детской аудиторией, не прибегая к коротким, не загромождал, а не развлек. Он пробует рассказать о том, как трудно найти человеку верных друзей, о тяжести одиночества, о необходимости мечты в жизни каждого. Но, предельная! Спектакль самые серьезные требования, его можно считать только «пробой пера», своеобразной творческой «разминкой». Пасса для нового спектакля написана А. Хамтом и С. Сагаловым по мотивам рассказов А. Чехова и А. Куприна. Но высокая классическая литература никак не хочет ложиться на те мотивы, которые предлагают эти современные авторы. Рядом с прозой Чехова и Куприна дописываются сегодня куплеты песен, которые пропозированы весь спектакль, выглядят инородными. Их образы невыразительны, рифмы банальны, они только замусоривают спектакль. Из зала на сцену поднимается некая Жорж. Афиш-ной тумбе он представляется так: «Я фюксин» — а они, проидох, еще знают». Потом Жорж, повесив на шею длинную связку сосисок, парикует ее через плечо и удаляется со сцены. Конечно, ребенок, может быть, и не сразу поймет, что подобное поведение свойственно некоему Остату Бендеру, он скорее всего не догадается, что слова «продох» и другие не укладываются в стилистику чеховского языка. Это понятно и нам, взрослым, и нам очень хочется, чтобы первая встреча ребенка с классической литературой была бы все-таки восторженной, стоящими Чеховым и Куприным. Стремление уйти от больших

нравственных, общечеловеческих проблем прослеживается не только в детских постановках. Через десять — пятнадцать лет маленький зритель придет (если придет) на взрослые спектакли московских кукольников. Что увидит он, к примеру, на сцене ГАУТК? Всегда ли взрослые постановки этого коллектива отвечают тем высоким требованиям, которые мы вправе предъявлять единственному в стране театру кукол, носящему звание академического? Увы, нет. Актуальность и злободневность сценических пародий нередко идут в ущерб истинной художественности. Словно из-за недостатка иных выразительных средств почти в каждом спектакле появляются скандальные шутки, которые вызывают смех в зрительном зале. Только на таком ли смехе должен воспитывать театр своего зрителя? Еще недавно мы говорили о смеялости спектакля «Шлягер», шлягер, только шлягер». Прошло два года. Просматривая этот спектакль с позиций сегодняшнего дня, понимаешь, что его образы, сюжет, конфликтные столкновения героев все-таки не затрагивают глубинной сути человеческих отношений. Постановка эта скорее походит на газетную заметку, чем на художественное произведение.

Безусловно, в репертуаре ГАУТК есть спектакли, которые вошли сегодня в золотой фонд детских постановок. Это «Волшебная лампа Аладина», «По щучьему велению». Но ведь эти спектакли были поставлены в 30-е — 40-е годы!

Рассказывая своему маленькому зрителю сказку, театр кукол должен, должен, должен себе много вопросов. И главный: придет ли ребенок вновь в его стены? Зачем ли он встретится с подлинным искусством, когда станет подростком, юношей, взрослым человеком? По опросам, которые провели московские социологи, среди группы рабочей молодежи нашего города выяснилось, что третья часть опрошенных практиками никогда не посещает театры, концерты, выставки, четвертая часть — никогда не читает художественной литературы... Какие ответы на эти же вопросы дадут нам через десять лет современные дети?

Несмотря на разницу интересов, для кукольных театров, о которых шла речь, очень важно. Давно не встречался их зритель с подлинными художественными открытиями. Просматривая спектакли этих коллективов, несколько вспоминаешь: что только призрака, сказку-впередца. А будет ли, наконец, сказка?

Е. РУБЛЕВА.